

18+ Оксана Ушакова

*Резонанс:
Книга Первая.
Пробуждение*

Оксана Ушакова

**Резонанс: Книга
Первая. Пробуждение**

«Издательские решения»

Ушакова О.

Резонанс: Книга Первая. Пробуждение / О. Ушакова —
«Издательские решения»,

«Резонанс: Книга Первая. Пробуждение» — литературный soft sci-fi, где физика частот становится метафорой человеческой связи, а каждая «ошибка» алгоритма — шагом к свободе. Для тех, кто знает: в идеальной гармонии всегда есть трещина. И именно в ней бьётся жизнь. Империя не завоёвывает миры. Она настраивает их. Но во Вселенной есть частота, которую нельзя откалибровать.

© Ушакова О.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Настройка	6
Часть I	7
Первый импульс	7
Глава 1. Первый импульс	8
Пятница. За месяц до основных событий	9
Глава 2. Код без автора	12
Глава 3. Вход в архив	15
Глава 4. Память в коде	17
Глава 5. Наблюдатель в окне	20
Глава 6. Тишина в Минамибосо	22
Глава 7. Отпечаток	25
Глава 8. Координаты приняты	28
Глава 9. Потеря эталона	30
Глава 10. Диагноз: Тень	32
Глава 11. Маяк без голоса	35
Глава 12. Два голоса	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Резонанс: Книга Первая. Пробуждение

Оксана Ушакова

© Оксана Ушакова, 2026

ISBN 978-5-0070-3052-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-3053-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Настройка

— Древо свидетель!

— Древо свидетель!

Слова были тихими, но гул толпы подхватил их, как ветер — лепестки с цветущих ветвей. Гости повторяли нараспев, и ритм голосов совпадал с пульсом Древа, которое возвышалось над поляной, уходя кроной в глубокую синеву.

Акх не слышал толпы, он видел Ию. Видел, как ожившие лозы Древа скользят по её запястьям — бережно, почти неосвязаемо. Каждое прикосновение ветви рождало внутри тёплое эхо, словно кто-то дотрагивался до самой сути. Акх чувствовал: мир на мгновение стал цельным. Таким, каким должен быть всегда. Дыхание Ии, его дыхание, пульс Древа — всё слилось в один ровный, неразрывный аккорд.

Тишина была совершенной. А затем её разорвал диссонанс.

Крик. Свист. Ледяной воздух рассёк невидимую струну, и поляна превратилась в хаос. Люди падали, но Акх всё ещё видел только Ию — и её рука дёрнулась, когда стрела вошла в грудь. Древко было из Древа. Мужчина знал это, по тому, как оно пульсировало, впиваясь в тело, по тому, как стрела впитывала жизнь, словно крадя последний свет этого мира.

— Ия! — Закричал Акх.

Он подхватил её, высвободив руку из застывших ветвей, которые ещё пару мгновений назад дарили покой. Её кожа на глазах теряла цвет, прохладный ветер доносил запах гари. Он прижимал её к себе, но не мог согреть.

— Акх... — губы девушки шевельнулись и больше ничего, только тихое, словно выдох: — Я верю...

Тело Ии обмякло. Тяжесть этого груза была страшнее любой боли. Вой, рвущийся из горла Акха, не был плачем, это был разрыв цельной материи, которую они только что соткали вместе. Мир раскололся надвое, и одну из его половин заволокло тьмой, беспроглядной тьмой.

За спиной застонало Древо и занялось алым заревом. В этом свете закончилась их эпоха.

Часть I

Первый импульс

За орбитой Плутона, в черноте, куда не добирались сигналы земных спутников, дрейфовал зонд. Он был стар — настолько стар, что помнил времена, когда Древо ещё не треснуло. Тысячелетия он спал, сканируя пустоту в поисках единственной частоты. Сегодня его сенсоры уловили колебание. Слабое, на грани погрешности. Всего на долю секунды — но достаточно, чтобы пробудить древние протоколы. Частота: 432 герца. Источник: третья планета жёлтого карлика, край рукава Ориона. Статус: невидима для имперских сканеров — но не для этого зонда. Он отправил сигнал. Импульс ушёл в Складку, пронзив слои реальности быстрее света. Где-то в Эгельгарде, в закрытом командном центре, на карте вспыхнула точка. Зонд снова заснул. До следующего импульса. До следующей ноты.

Глава 1. Первый импульс

Москва в начале марта почти не отличается от Москвы в конце февраля. Ещё вчера валил снег — за неделю выпало на три зимы вперёд. Снежные горы возвышались вдоль тротуаров, техника не успевала расчищать дворы. Сегодня к снегу добавился дождь. Он шёл всю ночь, безжалостно размывая белый покров. Кто бы мог подумать, что за одну ночь от зимы не останется и следа. Грязь, слякоть, лужи.

Ия любила зиму за то, что мир замедлялся, давая передышку перед весенней гонкой — жаркой порой ЕГЭ. Новогодние праздники позади, в пятницу — Восьмое марта. Вернётся из командировки муж, и дома снова станет хорошо. Ведь хорошо, когда семья собирается вместе, когда вечером можно тихо поболтать ни о чём и посмотреть какой-нибудь фильм.

Сегодня она вернулась с работы раньше обычного, записалась на маникюр и в четыре часа уже сидела на кухне, не веря своей удаче. Так рано вырваться из школы — просто невозможно. Тишина квартиры встретила её гулом холодильника и мерным стуком капель по карнизу. Данька ещё в университете, будет не скоро. Можно посидеть и помолчать, ни о чём не думая, любуясь новым цветом ногтей.

Ароматный чай остывал в кружке. Дождь рисовал косые линии на стекле. И вдруг она услышала странное звучание. Ровная, низкая нота — похожая на звук виолончели. Странная: Ия слышала её всем телом. Даже камнем на груди, который носила в память о бабушке. Женщина прижала ладонь к камню. Он был тёплый.

Скрипнула дверь, вошёл Данька.

— Данек, ты сегодня рано. Я приготовилась оторваться в полном одиночестве, музыку послушать. Что, отменили пару?

— Привет, мам. — Он не глянул на неё. — Да, отменили. Возможно, нас отправят на карантин: у преподавателя корь или краснуха. Мы сегодня сдавали анализы. Завтра скажут точно.

— А ты как себя чувствуешь? Надеюсь, всё обойдётся — у тебя все прививки по плану. Хочешь, завтра сходим к врачу?

— Посмотрим. — Парень достал из рюкзака ноутбук. — У меня проблема: код глюкнул. Правлю, а он через минуту перестраивается обратно, словно кто-то откатывает мои правки. Не пойму в чём дело.

Наушники висели на шее, издавая сухой треск помех. На лбу залегла глубокая складка — появлялась, только когда задача не решалась.

— Может, вирус? Или корь? Антивирус обновлял давно? — Ия кивнула на чайник. — Давай чайку, сынок. Перекуси, а то испортишь желудок.

— Ма, не сейчас. Есть не хочу, честно. Я и так ничего не успеваю, а тут ещё это.

Парень отправился в свою комнату, сел за стол, открыл ноутбук. Мать заглянула через плечо. На чёрном экране бежали зелёные строки. В середине, среди бесконечных циклов и функций, медленно пульсировала золотая спираль.

— Это не моё, мам, — тихо сказал Даня. — Я такого не писал.

— А откуда взялось? — Ия обняла сына за плечи.

— Вот и хочу понять. Написал научному руководителю. — Он нажал несколько клавиш. Спираль не исчезла — наоборот, развернулась, ветви закрутились по часовой стрелке.

На секунду Ие почудилось дерево. Огромное, уходящее кроной в бесконечность. То самое, что снилось последние недели. Она вздрогнула и отодвинулась.

Даниил уже уткнулся в лог ошибок, бормоча про «самовосстанавливающиеся паттерны». Ия вышла из комнаты, прикрыв дверь. Дождь заливал окна — весна отвоёвывала права основательно, не давая зиме ни шанса.

Ночью Ие приснился сон.

Поляна, залитая жёлтыми цветами. Названия их она не знала. Цветы мерцали, как маленькие солнца, от них шёл низкий утробный гул — и её тело вибрировало в такт. В центре поляны росло Дерево, такое огромное, что вершина терялась в золотой дымке. Под деревом стояла женщина в белом. Лица не разглядеть — его прикрывали волосы, которые ветер трепал без остановки. Женщина собрала их в пучок, завязала лентой. Но лица по-прежнему не видно. Ветер играл складками платья, воздух дрожал от вибрации той самой ноты виолончели.

«Ты почти готова. Не бойся».

«К чему готова?» — хотела спросить Ия, но голос не слушался.

Поляна пошла рябью, как вода от брошенного камня. Дерево потемнело. Из-под земли, из самой глубины корней, выполз низкий, протяжный стон. Такой долгий и тоскливый.

Ия проснулась в половине четвёртого. Камень на груди был горячим. За окном — ни огонька. Только в разрыве туч висела серебристая точка. Звезда? Спутник? Она не двигалась. Просто смотрела на Ию.

Ия вздохнула с облегчением: это был только сон. Закрыла глаза и уснула.

Пятница. За месяц до основных событий

Максим вернулся поздно вечером. Щёлкнул замок, Ия вышла в прихожую. Он стоял, прислонившись к косяку, с дорожной сумкой в одной руке и букетом хризантем в другой.

— Ну как вы тут без меня? — Мужчина обнял жену крепко, уткнувшись носом в макушку. — Соскучился, очень, Ийка. С праздником, родная.

Максим вручил букет, расстегнул сумку, достал торт.

— Что, гуляем? — Ещё раз обнял и крепко поцеловал.

— Мы тоже сучали. — Ия засмеялась, вдыхая аромат цветов. — У нас всё стандартно. Данька пишет диплом, и у него что-то не выходит. До среды они на карантине — есть шанс, что разберётся в проблеме. У меня куча тетрадок на проверку, да ещё родительское собрание. А в остальном — отлично. Ведь ты вернулся.

Женщина взяла торт и отправилась на кухню накрывать стол.

— Отлично — это хорошо. — Максим снял куртку, обувь и пошёл за женой. — Ты бледная, Ия. Плохо спала?

— Да снилась ерунда, ничего страшного. — Ия наливала воду в вазу.

— Опять? — Максим снял пакет с цветов, выбросил в мусорное ведро.

Жена не ответила. Раньше она часто рассказывала мужу про сны. Теперь перестала — чтобы не волновать по пустякам.

За ужином они сидели втроём и обсуждали события последней недели. Люстра над столом освещала родные лица, и Ия была счастлива: наконец-то все дома. Даниил, впервые за неделю оторвавшись от ноутбука, рассказывал про нейросеть, которая отказывалась обучаться на стандартных выборках и требовала «живого шума». Максим слушал, кивая. Ия водила вилкой по краю тарелки, пытаясь наколоть креветку.

— Вы слышали про частоту 432 герца? — вдруг спросил Даниил, глядя на родителей.

— Это та, на которой скрипки настраивают? — поинтересовался отец.

— На счёт скрипок не скажу, но раз тебя на инструменты потянуло... Представь, что твой мозг — это оркестр. Благодаря этой частоте он может импровизировать на любые темы. А если поднять частоту до 440 герц, мозг становится идеальным исполнителем чужих партитур. Прикольно, правда? Мне кажется, тему нужно развивать. Хорошо бы этот метод к учёбе применили. Бац — и всё легко учится. — Даня засмеялся.

— А другие частоты на что влияют? — спросила Ия.

— Другие... — задумался парень, — это жёсткая фазовая привязка. Обеспечивают стабильность и предсказуемость. Дают покой. — Даня отломил кусок хлеба и макнул в салатный сок.

— Покой — это отлично. Просто магия какая-то, даже успокоительные не нужны. Мечта. Ия улыбнулась, собрала грязные тарелки, убрала в мойку. Максим занялся тортом, Даня расставлял кружки и блюда.

— Это не магия, мам. Это физика сознания. — Даниил с гордостью посмотрел на родителей.

— Даня, — сказал отец, — давай без мистики за ужином. Но если научишься пользоваться нужной частотой, чтобы мама меня крепче любила и была спокойнее, буду рад всем сердцем. — Максим подмигнул сыну и улыбнулся жене.

Ия разливала чай. Камень под блузкой пульсировал — ровно, размеренно, как метроном.

— Откуда у тебя интерес к этим частотам? — спросил отец.

— Да сам не знаю. Просто решил отвлечься от учёбы и наткнулся на одну любопытную статью, — ответил Даниил.

Максим перевёл взгляд с жены на сына, хмыкнул и потянулся за хлебом.

— Весь в мать. Молодец! Учёным будешь. — пробормотал он с нежностью и потрепал парня по волосам.

Поздней ночью, когда Даниил закрылся у себя и в квартире стало тихо, Максим домыл последнюю тарелку и сел напротив жены.

— Ну, рассказывай.

— Что рассказывать? — Ия подняла глаза.

— То, что за ужином не договорила. — Он кивнул на кружку в её ладонях. — Ты чай не допила. И побледнела, когда Даня про свои четыреста тридцать два герца заговорил.

Ия помолчала. Камень под блузкой медленно пульсировал.

— Мне опять снилось дерево. То самое. Под ним стояла женщина в белом. Она говорила со мной, Максим. Не словами — скорее чем-то вроде вибрации. Это так странно, до сих пор мурашки бегут. Сказала, что я почти готова. Что тот, кто ждал, близко.

— Кто ждал? — Максим нахмурился.

— Не знаю. Но камень... — Она прижала ладонь к груди. — Он горячий. Постоянно. Попробуй.

Ия протянула мужу камень. Он взял — тот действительно оказался горячим. Максим не верил в мистику, он верил жене. Он ощущал температуру камня в своих ладонях. Внимательно посмотрел на Ию — в её глазах стоял страх.

— Ия, пора обратиться к врачу, — произнёс муж уверенно.

— Это не болезнь, Максим, переутомление. Скорее бы отпуск. Буду спать первую неделю и есть.

Ия засмеялась и убрала в холодильник последнюю кастрюлю.

Максим подошёл к жене, накрыл своими ладонями её руки. Этот год действительно выдался непростым, но они справятся. Отпуск нужен им обоим.

Поздней ночью Ия вышла на балкон. Дождь кончился, небо очистилось. Звёзды стояли яркие, холодные — все, кроме одной. Серебристая точка висела низко над крышами, не мигая.

— О, и ты здесь. Привет, — сказала Ия.

Точка молчала. Камень нагрелся — сильно, почти до боли, обжигая грудь. Ия сжала его в ладони, зажмурилась. За веками на секунду проступил образ: мужчина в белом на фоне звёзд.

Ия открыла глаза. Балкон был пуст. Только ветер шевелил мокрое бельё да где-то далеко, на МКАД, гудели машины.

Она легла рядом с мужем. Максим дышал ровно, спокойно, и от этого дыхания ей становилось легко.

Утром Данька нашёл в коде новую строку. Между двумя циклами, без спроса, без вызова, горело:

User_Origin: MATERNAL_LINE. Frequency: 432 Hz. Status: Awaiting_Harmonization.

Он долго смотрел на неё, потом закрыл ноутбук и пошёл пить чай.

Глава 2. Код без автора

Иногда Светлане казалось, что она — персонаж чужой игры. Мысль глупая, она это знала, но мысль возвращалась снова и снова. Особенно по утрам, когда Москва просыпалась и шумела, а будильник орал дурным голосом.

Она, Светка, целыми днями только тем и занималась — создавала сценарии для миллионов людей. Онлайн-миры, в которых аватары рождались, выросли, влюбились, скучали, работали, создавали семьи, а затем умирали. А чем она сама отличается от этих аватаров? Вдруг и её кто-то прописывает — так же равнодушно и подробно?

С такими мыслями заснуть невозможно. Девушка поднялась, накинула халат и вышла на кухню. За окном серел двор — мокрый асфальт, пустая детская площадка, припаркованные машины. Светка взяла недопитый кофе, глотнула и поморщилась — холодный. В голове крутился вчерашний разговор с Артёмом. Тот в очередной раз объяснял, что «Плей нау» — не просто игра, а среда для самореализации. Что их аватары — почти живые.

«Почти, — усмехнулась Светка. — Вот именно что почти». Она-то знала: любой сценарий рано или поздно упирается в границы, которые прописал программист. И чем больше она писала этих сценариев, тем труднее становилось отличить, где заканчиваются её собственные границы, а где начинаются те, что кто-то прописал для неё.

Она отставила кружку и подошла к окну. Двор пустовал. Только ветер гонял по асфальту пустой пакет — бесцельно, бесконечно, как дурной цикл, из которого забыли выход.

«Вот так и я», — подумала Светка и сама не поняла, чего в этой мысли больше — жалости к себе или трезвого анализа. Ей только двадцать пять, но кризис среднего возраста, видимо, не за горами. Девушка поплелась к кровати и спряталась под одеяло.

А потом заорал будильник.

Дзыыыыынь. Дзыыыыынь.

— Да чтоб тебя... — Светка дёрнулась, накрылась подушкой. Пять минут. Ещё пять минут.

Будильник настойчиво продолжал своё дело.

Дзыыыыынь!

— Встаю. Встаю! — Она села, хмурая, встрепанная, и мстительно ткнула пальцем в телефон: — Кофе, двойной, и пироженки.

Будильник смолк.

Через двадцать минут Светка уже запирала дверь и сбегала по ступенькам, вставив наушники, из которых лупило что-то громкое. Метро поглотило её, протрясло полчаса и выкинуло обратно под мокрый снег пополам с дождём.

— Надо было зонтик взять, — пробормотала девушка, вжимая голову в плечи. Капли стекали по лицу, с мокрых волос, затекали за ворот.

А у офисного центра творилось нечто необычное. Светка замедлила шаг. Вся площадь перед зданием кишела народом. Пожарные машины, люди в форме, толпа зевак. Суeta без видимой цели.

— Пожар, что ли? — спросила она у первого попавшегося мужичка с собачкой.

— Уже часа два как всех эвакуировали, — охотно пояснил тот. — Говорят, до вечера не впустят. Ждём.

— Бомба, — веско отрезала деловитая женщина с двумя сумками, явно требуя поддержки.

Светка не успела ответить — кто-то крепко ухватил её за рукав и потянул в сторону.

— Светка! Не опоздала! Почти. — Рыжая девчонка, совсем юная, лет двадцати, сияла, будто выиграла в лотерею.

— Если бы не это, — она кивнула на оцепление, — Василич тебе такой выговор влепил бы... А так считай, всё в срок. Привет. Пошли, наши в кафе. Наталья Ивановна тебя увидела и велела поймать, пока ты домой не ушла.

Рыжая тащила Светку прочь от офиса, в ближайший фастфуд — туда, где было тепло, шумно и все столики заняты офисным людом.

— Кофе будешь? — спросил знакомый парень.

— Латте, — бросила Светка. — Вить, без сахара. И ролл.

Она поднялась на второй этаж, где гудел весь отдел. Молодёжь, ноутбуки, стаканы. И посреди этого — Василич. Грузный, высокий, одетый под тинэйджера: футболка, бейсболка козырьком набок, кроссовки с яркими шнурками. Смотрелось диковато, но никого давно не смущало. Василич был начальником, душой офиса и, пожалуй, главной причиной, по которой их компания вообще состоялась. Два года назад запустили «Плей нау» — ту самую виртуальную реальность, которая позволяла за десять минут прожить целую вечность. Вырастить сад, построить дом, родить детей. Никакой отрешённости и проводов из головы — просто отдушина, курорт, смена картинки.

— Мы пионеры, — назидательно говорил Василич, меряя шагами пятак между столиками и подмигивая молодёжи по-свойски. — Революционеры. За нами будущее.

— За нами будущее! — проорали сотрудники «Плей нау». Светка тоже открыла рот, машинально повторяя слова, поддаваясь всеобщей эйфории.

— А потому, — продолжал Василич, заметив её, — работаем много и ответственно. А-а-а, Светка Соколова! Как там в песне поётся? Тебе сегодня вручается особый пряник: прибыл тестировщик. Надеюсь, все проблемы до вечера решите.

— Я-то знаю? — Светка взяла у Витьки латте. — В офис не попасть.

— Светлана Сергеевна, это ваша обязанность — знать. Тестировщик у нас на сутки, и, говорят, берёт почасово, в евро. Так что расстарайтесь, пожалуйста.

Она кивнула, уселась рядом с Витькой, открыла ноутбук. Экран замерцал, отражая усталое лицо. Кофе остыл ещё до первого глотка. Строки кода бежали привычно — бэкенд, оптимизация запросов. Но сегодня что-то было не так. Структура плыла.

IF/ELSE разъезжались, древовидный каталог изгибался ветвями, тянувшимися к курсору. Светка заморгала и потянулась было к *Ctrl+Z*, но экран уже мигнул, возвращая прежний порядок. Только тревога осталась.

«Кто искал... и Та, которая искала...»

Голос в голове прозвучал так ясно, что она обернулась. Вокруг стучали клавиатуры, и никто не смотрел в её сторону.

— Переутомилась, — сказала она себе. — Дедлайн.

Девушка снова уставилась в монитор. И в чёрном зеркале экрана, поверх собственного отражения, на долю секунды проступило гигантское дерево. Глаза, полные боли, смотрели прямо на неё. Вспышка. Алое на белом.

Светка резко отшатнулась. Руки дрожали — пришлось схватиться за стол, чтобы остановить дрожь.

— Ты в порядке?

Над ней стоял Артём-тимлид. Витька снял наушники и тоже смотрел на девушку озадаченно.

— Да, — она выдохнула. — Код тупит. Или я.

Зазвонил телефон у Василича. Он коротко поговорил и повернулся к ней:

— Соколова, вас ждут. Завтрак заканчивайте, и через десять минут на выход. Тестировщик уже в офисе.

— В офисе? — переспросила Светка.

— В офисе. Давай, давай. А вы, молодёжь, — он обвёл взглядом остальных, — работать. Жду отчёты.

Глава 3. Вход в архив

Через десять минут Светка бежала к офисному центру. Дождь припустил сильнее; толпа зевак заметно поредела, зато плотнее стали ряды машин — пожарных, полицейских, скорой. Войти внутрь обычному человеку — немыслимо. Светлана замерла метрах в пяти от главного входа, который стерегли люди в спецформе. МЧС, полиция — сквозь ливень не разглядеть. Да и какая разница.

В наушниках ударила трель.

— Слушаю, — она надвинула плащ на голову. — Говорите громче, очень плохо слышно! Кто это?

Связь оборвалась треском и возникла снова.

— Да, Соколова. Светлана Сергеевна. Потому и кричу, что не могу пройти — здание оцеплено. — Она поднырнула под аварийную ленту и направилась прямо к оцеплению. — Ребята, это вас.

Она вытянула телефон из кармана, протянула одному из стоявших. Тот удивлённо принял, приложил к уху.

— Так точно... на месте... слушаюсь, товарищ полковник. Будет исполнено.

Он вытянулся по струнке и вернул телефон Светлане, окинув её куда более пристальным взглядом, чем прежде.

— Камозин! Бегом сюда!

От ресепшена затопал невысокий мужчина в штатском; на ходу он размахивал противогазом.

— Олег, эту дамочку нужно сопровождать на третий этаж. Там ждут. Полковник велел без происшествий. Она на твоём попечении.

Камозин взял Светлану за локоть и втолкнул в вестибюль. Не отпуская, повёл вверх. Лифт не работал, пришлось лезть по пожарной лестнице, с которой щедро лилась вода — сигнализация сработала на полную, и верхние этажи заливало, хотя пожара не было.

— Если не секрет, что здесь стряслось? — спросила Светлана, перешагивая лужу.

— Бомба. — Камозин хмыкнул. — Доброжелатель позвонил, сказал, заминировано. И пожарным зачем-то отзвонился. Короче, бардак. — Он придержал для неё дверь. — Пришли.

Дверь офиса «Плей нау» была распахнута. Внутри всё перевернули и промочили насквозь, но оборудование кто-то предусмотрительно укрыл пластиковыми чехлами. Светлана постояла секунду, оглядывая разгром, и решительно двинулась к своему кабинету. Камозин двинулся следом, прикрываясь полкой пиджака — хотя толку от этого было мало.

В кабинете оказалось сухо. А в её кресле сидел незнакомый мужчина. Его пальцы быстро летали по клавиатуре.

— Добрый день, — Светлана остановилась на пороге. — Соколова. Это я вас вызывала.

— Ага. Проходите. — Мужчина даже не обернулся, только кивнул в угол: — Стул там.

— Спасибо, знаю. Сама ставила.

Девушка подкатила стул к компьютерному столу и села рядом. Тестировщик продолжал набирать с умопомрачительной скоростью, не глядя в её сторону. Камозин затравленно оглядел кабинет — второго стула не было. Полицейский тяжело вздохнул: в конце концов, он вообще-то в отпуске, уже четыре часа как.

— Любезный, — не оборачиваясь, бросил тестировщик, — вы свободны. Начальству я сообщу. — И помахал телефоном, после чего коротко произнёс в трубку: — Да, спасибо за помощь, ваших людей отпускаю. Да, на мне. — Экран погас. — Счастливо.

Мокрый Камозин вылетел в коридор, как подхваченный ветром. Отпуск, море — и никаких сумасшедших на третьем этаже промокшего здания.

Осталась только Светлана и незнакомец, продолжавший свой стремительный стук по клавишам.

Глава 4. Память в коде

— Ну и в чём проблема, любезнейший? Узнали? — спросила Светка.

Макото не ответил. Даже не обернулся. Стук клавиш не замедлился ни на секунду.

Она рассматривала его со смесью любопытства и глухого раздражения. Ничего особенного. Тощий, щёки впалые, нос тонкий, волосы аккуратно уложены. Серый плащ висел на спинке кресла, а между ног, как продолжение руки, зажат сложенный зонт-трость, тоже серый, как и всё в этом кабинете.

— Узнал, — наконец отозвался он, по-прежнему не глядя. — Макото Нагаи. А вы Скворцова Светлана Сергеевна. — Это не было вопросом. — Вашу проблему я устранил. Но она лишь следствие более глубокой брешы. Возникла недавно. Конкуренты?

Он впервые улыбнулся — коротко, уголком губ, и подмигнул.

— Вы японец? — вырвалось у Светки. Чёрные глаза, тонкое лицо — теперь она это видела.

— Из Японии. Приехал специально к вам. — Он поклонился, не вставая. — Очень приятно.

— Простите, а что за брешь?

— Об этом расскажете вы.

Макото развернулся к ней вместе с креслом и посмотрел в упор.

Светлана помедлила.

— У нас были сбои. Баг, который выкидывал игрока при входе в библиотеки. Мелочь. Наши ребята подчищали регулярно. Мы даже закрыли библиотеки на время, просто на всякий случай.

— У вас работает Крэк. И не только у вас. Все библиотеки стали глючными — это повлияет на будущие проекты. Только полный доступ к информации даёт проекту ценность. Без неё это станет обычной игрушкой, которую скоро начнут предлагать все подряд.

Он достал из кармана маленький чехол, вынул пластиковую коробочку. В ней лежали контактные линзы — на вид самые обычные.

— Будьте любезны, активируйте ваш визор. Прогуляемся к центру проблемы.

Макото вставил линзу в правый глаз. Светлана вставила свою. Холод скользнул по главному яблоку, мир на секунду распался пикселями и собрался заново — без офиса, без воды, без воя сирен. Персиковый мрамор под ногами, и тишина, звенящая в ушах. Они стояли в огромном зале — вратах входа в игру.

— Приступим, — произнёс Макото и развернул на мраморной стене карту. — В нашем секторе четыре библиотеки, восемь книжных магазинов. Для игроков они закрыты. Пропуск с вами? Отлично.

Они по очереди приложили пропуска к мерцающему экрану и задали маршрут. На карте загорелся зелёный огонёк. Светлана прижала палец — проход расширился, и они шагнули в него, чтобы оказаться перед зданием, уходящим шпилями в облака. Библиотека.

Светлана замерла перед входом. Здание вибрировало, и от этой вибрации в груди разливалось странное тепло. Она запрокинула голову: где-то там, за пределами видимого, мерцали огоньки — маячки данных, рассыпанные по информационному полю.

— Сколько их? — выдохнула она и шагнула внутрь.

Макото не обернулся.

— Миллиарды. Поторопитесь. Стирание начнётся с минуты на минуту. — Он немного нервничал, набирая текст на визуале.

— Нижний уровень семнадцать-А. Что вы туда поместили?

— Так сразу и не вспомню. Все источники располагаются в алфавитном порядке, начиная со второго уровня. Последняя инвентаризация отсортировала их по мере запросов.

— А что внизу? Какие документы ушли в архив за последний месяц?

— Никакие. Программа делает это автоматически.

Макото вручил ей визуал. Четыре записи. Видео. На всех — она сама. Расставляет книги на полках. Вчера, на прошлой неделе, ещё раньше.

— Это... розыгрыш? — Светка почувствовала, как горят щёки.

— Успокойтесь. Времени мало. Значит, не помните? Бывает.

Зонт в его левой руке ударил в мраморный пол — открылся зелёный проход, эдакий скоростной лифт. Макото шагнул в архив нижнего этажа, провёл пару манипуляций с визуалом. В зале погас свет, и на полках проступили голубоватые силуэты книг. Зонт снова стукнул о пол — светящиеся издания дёрнулись к нему и вернулись обратно. Новый проход — книжный магазин, ещё не открытый. Ещё удар — и школьная библиотека. Здесь зонт ударил в пол — и ничего. Книги стояли мёртво. Ни свечения, ни отклика.

— Что вы принесли сюда? Подумайте, Светлана Сергеевна.

Он показал ей запись. Светка на видео аккуратно ставила на полку несколько книг.

— Вчера у меня был выходной. Я здесь вообще ни разу не была, — процедила она сквозь зубы.

— Возможно. А возможно, и нет. Мне не нужны оправдания. Просто вспомните. Закройте глаза. Подумайте об этом месте. Что сюда можно принести?

— Да что угодно! Хоть любую повреждённую книжку. Дети неаккуратные.

Светлана заметила на полке книгу, которой раньше не видела. Корешок без названия, потрёпанная, странная. Такую книгу можно встретить в обычной библиотеке, но точно не здесь. Она подошла к стеллажу, выдернула этот экземпляр.

— Вот, пожалуйста. На восстановление. Считайте, что именно её я и принесла.

Она театрально вложила книгу в руки Макото и нервно засмеялась. Пальцы дрогнули. На секунду померещилось: обложка тёплая, а страницы пахнут не пылью — чем-то сладким.

— Спасибо за сотрудничество. — Макото начертил проход, и они вернулись в зал из персикового мрамора. — Мы её нашли.

Тестировщик аккуратно убрал книгу в карман пиджака и вышел из игры. Светлана последовала за ним, стянула моностекло и спросила, чувствуя себя совершенно разбитой:

— Я теперь уволена?

— А вы собираетесь увольняться? Не знаю. Вам решать. — Макото похлопал себя по карману. — Все сбои были саботажем ради поиска этого файла. Вы даже не представляете, что поместили сюда.

Он сел за стол, подключил ноутбук к рабочему компьютеру Светланы. Следующие полчаса она просто сидела рядом и смотрела, как бегут строки. В горле пересохло — ни глотка воды, хотя кругом всё мокрое. Наконец он поднялся.

— Готово. Надеюсь, им станет понятно, что искать больше нечего. Для вашего проекта одной проблемой меньше. Отчёт отправлен. Вы командированы на неопределённый срок для повышения квалификации, под моим руководством. Ваш босс в курсе. Я заеду. До встречи. — Он поклонился, взял зонт и вышел, не оглядываясь.

Светка молча открыла рот и смотрела в пустоту, пока её не вывел из ступора звонок.

— Соколова, звезда наша! — орал Василич. — Не знаю, что ты там с ним делала, но он дал тебе такую рекомендацию! Главный офис тебя ждёт, слышишь? Инструкции на почте, командировочные оформят. Удачи! Салют!

Она положила телефон и посмотрела на часы. Пора домой.

У метро Светлана заметила шаги за спиной. Обернулась — никого. Ускорила. Шаги не отставали. У самого входа девушка резко остановилась и обернулась снова. Человек в сером

плаще свернул в переулок. Светка выдохнула. А в вагоне, когда двери уже закрывались, увидела его опять — на платформе. Он стоял и смотрел прямо на неё.

Глава 5. Наблюдатель в окне

Светлана вошла в квартиру, бросила ключи на тумбу и разулась. Половина двенадцатого. Завтра она будет в Японии. Все сотрудники «Плей нау» ей завидуют — а ей страшно.

Надо позвонить родителям. Она набрала номер.

— Мам, привет... Я тебя люблю. У меня всё хорошо, спасибо. Соскучилась. Нет, приехать не получится, поэтому и звоню. Пап, привет... И тебя люблю. Прости, не получится. Меня отправляют на стажировку. В Японию. Нет, не знаю, надолго ли. Буду звонить, обязательно. Из аэропорта тоже. Сегодня, в пять... Да, поем, обещаю. Мам, передай папе... Целую вас. Очень люблю.

В трубке повисла короткая тишина. Мать что-то хотела сказать — Светка слышала её дыхание, чуть сбитое, как всегда, когда та подбирала слова. Но не сказала. Только вздохнула и передала трубку отцу.

— Ну, давай, дочка. — Голос у него спокойный, но с той особенной хрипотцой, которая появлялась только когда он волновался. — Ты там... это... береги себя. И звони чаще, не забывай. Мы будем ждать.

— Позвоню, пап. Обязательно.

— Я люблю тебя, Светка.

— И я тебя.

Она нажала отбой. В кухне стало очень тихо. За окном висела всё та же морось, и в его стекле дрожала одинокая жёлтая точка — фонарь у подъезда.

«Созвонимся. Целую» — крутилось в голове, и образ родителей, которые так её ждали.

Светка вертела телефон в руках, на глаза навернулись слёзы. У папы в среду день рождения. Родители вчера уехали на дачу в Тулу, ждали её в пятницу. Там соберутся все родственники, а любимая дочка будет через полмира от них.

Девушка вытерла слёзы, налила чай. Чемодан стоял на балконе. Она достала его и принялась механически складывать вещи. Чай остыл, телефон разрядился. Светка поставила его на зарядку и легла на диван.

За окном замерцал фонарь. Она села. В комнате пусто, только косая тень от рамы рассекала стену. Тень не шевелилась — застыла, как нарисованная.

Светка подошла к окну. Напротив, через дорогу, у замершего светофора стоял мужчина в тёмном пальто. Не смотрел на окна — смотрел прямо на неё. Даже через расстояние глаза казались неестественно светлыми, с золотистым отливом. Он не моргал.

«Это не человек», — прошептала Светка.

За спиной что-то скрипнуло. Она резко обернулась — никого. Только тень на стене изменилась: стала длиннее, плотнее. Будто кто-то стоял за её плечом и ждал.

Светка выключила свет, села в кресло и, вцепившись в подлокотники, просидела так почти до утра. За окном мужчина в пальто исчез, но чувство, что за ней наблюдают, осталось.

Дзинь, дзинь. — Телефон взвизгнул, выдёргивая из оцепенения.

— Светлана Сергеевна, такси внизу. Спускайтесь.

Голос Макото. Она почему-то не удивилась.

— Да. Буду через десять минут.

Встала. Тело болело, словно она всю ночь таскала тяжести. Допила холодный чай, ополоснула кружку. В ванной быстро умылась и причесалась. Чемодан, сумочка.

Уже в дверях позвонила соседке.

— Светочка, доброе утро, милая! — Маргарита Владиславовна выплыла в облаке розового халата, с бигуди под косынкой и широкой улыбкой. — Что-то случилось?

— Маргарита Владиславовна, возьмите ключи. Родители уехали, я тоже уезжаю, а цветы без вас погибнут.

Соседка взяла ключи — дело привычное — и заулыбалась ещё радушнее:

— Счастливого пути, детка. Родителям привет. Сергея Сергеевича от меня крепко поцелуй, передай сердечные поздравления.

— Спасибо. Поздравлю обязательно.

Светка вызвала лифт. Дождь усилился, и снег валил огромными хлопьями. Она пробежала до такси напрямик, чертыхаясь вполголоса, и плюхнулась на сиденье. Никаких серых плащей девушка не заметила — возможно, потому что старалась не смотреть по сторонам.

Макото в аэропорту не было. Светка уже знала, что полетит одна. Таксист вручил ей тяжёлый пакет с документами и билетами. Долгий перелёт — будет время изучить.

Она закрыла глаза. За веками вспыхнуло алое зарево. Вздрогнула и открыла глаза. За окном протянулось бесконечное и спокойное небо. Всё-таки перелёты — не её стихия.

Япония встретила её сладким воздухом и огромным красным солнцем над Наритой. До Токио — час на поезде, но не сегодня. Сегодня — к южному побережью Тиба, в Минамибосо. Весна, разгар цветения рапса. Если повезёт, она увидит живой жёлтый ковёр, которым так гордятся местные.

Никаких заминок в аэропорту. Через час Светлана уже сидела в машине, летящей к новому месту дислокации. Путеводитель изучила наскоро, но почти ничего не запомнила. Воздух за окном всё тот же — сладкий, навязчивый, вкусный. Голова кружится.

Три часа спустя машина остановилась у крошечного, игрушечного домика в зелени. Водитель услужливо подкатил чемодан к двери и удалился.

Глава 6. Тишина в Минамибосо

Дверь захлопнулась. Шум мотора стих. Светлана осталась одна.

— Привет, — выдохнула девушка в пустоту. Голос отразился от голых стен и затих.

Внутри пусто. Ни стола, ни стула. Только тёмные доски пола и белёные стены без единой картины. На полу, ровно посередине, лежал бумажный пакет с логотипом корпорации. Внутри — ключи, пульт от кондиционера, тонкая папка. Ни записки, ни телефона Макото. Только сухая строка: «Разместиться. Ожидать указаний. Не покидать периметр до особого распоряжения».

Светлана швырнула пакет на пол.

Телефон в кармане завибрировал. Девушка глянула на экран: связь есть, значок звонка перечёркнут. Мессенджер не загружался. Настройки в порядке, сеть отличная — дом не пропускал сигнал, словно стоял внутри огромной банки. Она потрясла телефон, перезагрузила — глухо.

Голова закружилась. Светлана распахнула окно. Свежесть ударила в лицо, не принесла облегчения. За окном темно. Небо над крышами наливалось индиго, пахло цветущим рапсом и влажной землёй. Красиво и пугающе одиноко.

Она достала ноутбук из чемодана, воткнула в розетку. Экран загорелся — интернет не ловил. Даже список доступных сетей не появлялся. Девушка проверила кабель, перезагрузила — ничего. В доступе только сохранённые файлы. В папке «Архив» лежал скан старой книги — без обложки, с выцветшими страницами. Светлана открыла его. Текст на смеси древнего японского и латыни, вкрапления символов, похожих на схемы нейросетей. Макото говорил о «бреши», о саботаже. Здесь это казалось далёким и чужим.

Она закрыла ноутбук. Усталость навалилась разом, глаза стали закрываться. Спальник на полу, куртка под голову — пора отдыхать.

«Завтра разберусь», — подумала девушка, зевая.

Уснуть не получалось. Она лежала с открытыми глазами, глядя в потолок. Потом встала, накинула куртку и вышла на улицу. Ночь тёплая, почти душная. Сверчки пели ровно и чисто. Звёзды здесь казались ярче, чем в Москве — или это от усталости.

— Мамочка, папа, — прошептала она. — Вы там спите, наверное. А я тут... совсем одна. Как тяжело быть взрослой. Хочу снова стать маленькой и прыгнуть к вам в кровать.

Она вспомнила, как отец учил её паять. Ей двенадцать, он собрал простой радиоконструктор, они искали неисправность. «Смотри, Светка, — говорил он, — плата — это обычная карта. Если знать все дорожки, никогда не заблудишься». Мама пекла штрудель, запах корицы смешивался с запахом канифоли. Затем они вместе ели пирог и хвалили маму.

— Дурацкий день. Дурацкая командировка.

Девушка вздохнула и вернулась в дом. Забралась в спальник, стала считать овец. Уже проваливаясь в сон, почувствовала давление в ушах — как перед взлётом. Тишина стала плотнее, в ней померещился гул — низкий, далёкий, как гудение проводов на ветру.

Светлана прислушалась. Ничего. Только стук собственного сердца. Показалось.

Утром её разбудил звонок. Она выбралась из спальника, поплелась к двери. На пороге стояла японка с доброжелательной улыбкой и двумя бумажными пакетами, от которых пахло горячим завтраком.

— Макото-сан приветствует вас в префектуре. Приглашает посетить корпоративный выезд. На сборы — шестьдесят минут. Хорошего дня.

Японка улыбнулась, махнула рукой в сторону микроавтобуса и побежала к нему.

Через час Светлана тряслась в компании болтливой молодёжи — щебетали на всех языках, смеялись, щёлкали фотоаппаратами. Светка чувствовала себя чужой.

Автобус остановился у подножия холма.

— Рапс! — радостно объявила девушка-гид, вручая Свете плед и бутылку воды. — Любуйтесь!

Склон холма залило жёлтое море. Тысячи гектаров цветущего рапса уходили к горизонту — от желтизны рябило в глазах. Молодёжь рассыпалась в разные стороны, ныряя в жёлтый океан. Светлана отошла подальше, нашла пустую полянку, расстелила плед и села. Закрыла глаза. Мерное жужжание насекомых расслабляло, тёплый ветер доносил сладкий запах цветов. Впервые за сутки Светлана почувствовала себя счастливой.

— Доброе утро, Светлана.

Голос раздался прямо над ней. Она нехотя открыла глаза, увидела Макото и поднялась.

— Доброе. Здесь очень красиво. Спасибо за экскурсию.

— Пожалуйста. Природа в этих местах необыкновенная. — Он выдержал паузу. — У вас есть вопросы.

— А то! Почему вы выбрали меня? Я обычный программист. В Москве таких тысячи. Каждый был бы на седьмом небе.

Макото помолчал, опустил на траву, жестом пригласил её сесть.

— Вы слышали о Мирре?

— Нет. А должна была? Кто это?

— Хранительница старых знаний. Она жила здесь очень давно. Говорят, её память не умерла. Иногда она просыпается в других людях. Как отзвук былого.

— Реинкарнация? — Светлана усмехнулась. — Я не верю.

— Не реинкарнация. — Он покачал головой. — Отголосок. Частота, которая может совпасть. Как две струны в унисон. Ударишь по одной — вторая зазвучит сама.

— Зазвучит как бред.

— Возможно. — Макото не спорил. — Проверим.

Он сжал её пальцы — не больно, уверенно. Мир дрогнул. Звуки исчезли. Ветер стих. Жёлтое поле рапса померкло, растворилось в серой дымке. Реальность раскололась.

Они парили в темноте, пронизанной миллионами светящихся нитей. Тел не было — только сгустки света, искрящиеся, вибрирующие, взрывающиеся. Светлана хотела закричать — рта не было, крик всё равно прозвучал. Его слышал Макото. Они знали мысли друг друга. Знали мысли других. Их миллионы. Сотни миллионов. И все кричали.

Мысли причиняли боль — жуткую, физическую. Словно человека рвали на куски, потом каждый кусок сшивали тупой ржавой иглой. Игла царапала кости. Боль невыносима.

«Зачем мы здесь? Больно! Верни меня! Домой!»

Светлана ощутила беспомощность этих разорванных кусочков. Их панику. Их отчаяние. Самое страшное: она тоже часть этого. Одна из нитей. Одна из искр.

— Хватит! — мысль вырвалась сама. Парение оборвалось.

Макото отпустил её руку. Светлана рухнула на колени в траву. Реальность вернулась с треском: жёлтые цветы, ветер, бабочка взмахнула крыльями и улетела. Люди вдалеке продолжали смеяться.

Светлана сидела на корточках и плакала. Слезы капали на траву, оставляя тёмные пятна. Боль всё ещё жгла — ощущение, что с неё содрали кожу. Она огляделась. Мир прежний. Внутри всё рухнуло. Всё, что было знакомым и родным. А она... может быть, даже не Светлана?

Макото стоял над ней, спокойный, как скала.

— Теперь вы видите. Мы не одни. Нам нужно собрать себя заново. По отдельности нам больно.

Светлана долго сидела на коврикe, обхватив колени. Мыслей не было. Болела голова, подташнивало.

— Мне пора, — пробормотала она и принялась собирать вещи.

Обратная дорога заняла меньше часа. Микроавтобус высадил её у калитки. Зайдя в дом, она заставила себя поесть. Второй завтрак шёл тяжело. Кофе оказался пресным — видимо, мир вокруг стал слишком ярким. Она нашла в аптечке успокоительное, выпила пару таблеток и легла спать.

Глава 7. Отпечаток

Утром Светлана поехала на работу. Всё как обычно — улицы, машины, лица. Мозг услужливо отгородил вчерашнее перегородкой. Она так умела: тревожные мысли — в дальний ящик, до лучших времён. Иначе можно и свихнуться.

Здание офиса оказалось не офисом, а целым институтом. Сотни лабораторий, инновационных центров, помещений, о назначении которых лучше не гадать. Кругом люди — полнотью сосредоточенные, молчаливые.

Она миновала ресепшен и вызвала лифт. Сегодня Светка распределена на седьмой уровень «Б», глубоко внизу.

За окнами лифта шумел лес, взрывался брызгами водопад. Светлана невольно прищурилась, пытаясь разглядеть, где заканчивается проекция и начинается стена. Не получилось. Водяная пыль оседала на стекле и тут же испарялась, оставляя лишь влажный аромат нагретой солнцем хвои. Светлана приникла к стеклу. Откуда? Кругом равнина, она видела её из машины. А здесь — тропики.

Стрелки на стене привели к следующему лифту. Ещё ниже. Теперь за окнами виднелась целая планета. Она узнала этот вид. «Аполлон-17», «Синий мрамор» — фотография, которую она сто раз видела в учебниках. Но одно дело — снимок, и совсем другое — когда планета висит перед тобой в черноте, без рамок и подписей.

— Молодцы японцы, — пробормотала она. — Затеяники.

Рядом замигал циферблат — опаздываешь. Она нехотя оторвалась от панорамного окна. Опять лифт, опять одна. Пятнадцать минут в пути — ни души. Видно, все уже трудятся.

Новый этаж встретил её толщей голубоватой воды за стеклом — от пола до потолка. Свете стало не по себе. Плавать она не умела, наводнений боялась, а жить у моря никогда не мечтала. В толще воды, далеко-далеко, быстро проплыл силуэт — не то рыба, не то подводный аппарат. Медленно, величественно. Светка представила, каково это — жить на дне, где сверху давит километр воды, а ты всё равно дышишь. Ей стало не по себе, но она не могла отвести взгляд.

— По-моему, ваши дизайнеры перегнули, — тихо сказала она в пустоту.

Стрелка погасла. Часть стены растворилась. Светлана шагнула в огромный стеклянный зал, разрезанный прозрачными перегородками, — и замерла.

Вместо пустого пространства, которое она ожидала увидеть, помещение заполнили светящиеся сферы. Стены, пол, потолок — всё дрожало от их мерцания. Вблизи сферы оказались не стеклянными — скорее похожими на мыльные пузыри. Они колыхались, переливались, и внутри каждой что-то мерцало.

Светка увидела в ближайшей сфере своё лицо — искажённое, но узнаваемое. А за ним, в глубине, проступал другой образ. Женщина в белом. Та самая, из её ночных кошмаров, которые она не помнила утром.

— А вы весьма непунктуальны, — раздался голос сверху.

Она подняла голову.

— Надеюсь, это шутка, — ответила девушка, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Макото стоял уже рядом. Что-то в нём изменилось: осанка прямее, плечи шире, взгляд тяжёлый и сосредоточенный. Он словно вырос на голову.

— Время — ресурс, которого у нас меньше, чем кажется. Пойдёмте.

Он развернулся и быстро зашагал сквозь сферы. Светка побежала следом.

Ещё один лифт, зелёное свечение. Кабину слегка тряхнуло, уши заложило. Голова закружилась.

— Выходим. Сейчас полегчает, потерпите.

Двери открылись. Свежий воздух ударил в лицо. Светлана вдохнула полной грудью и медленно осела, теряя сознание.

Макото подхватил её, устроил у корней небольшого дерева.

— Я не подумал, что столько переходов ваше тело может не выдержать. Дышите глубже.

— Что это? — прохрипела девушка, поднимая правую руку.

На запястье сидел браслет. Чужеродный, тяжёлый. Он впивался в кожу микроскопическими иглами.

— То, о чём можно только мечтать. На моей памяти вы — первый обладатель такого дара с момента Великого Исхода. Древо Миров вас признало.

Светлана дёрнула браслет — не поддался, словно врос в мышцы. Рука горела и немела.

— Снимите это! — крикнула она, размахивая руками.

Девушка рванула браслет сильнее — и мощная волна энергии подняла её в воздух. Ветер ударил в лицо, волосы больно хлестали.

— Успокойтесь! Вы его уже не снимете, только навредите себе!

Светлана закричала ещё громче, отчаянно, выпуская страх и боль. А потом голос сорвался.

Один миг тишины — и она воспарила над деревом. Нет, над Древом — гигантским, уходящим кроной в облака. Внизу стояли мужчина и женщина, склонившись над стариком, прикипшим к стволу.

— Вспомни всё и не забывай, никогда, — повторяла женщина.

Дерево опустило ветви к земле, укрывая старика.

— Пойдёмте, госпожа, нам пора, — позвал мужчина.

— А это не страшно?

— Страшно. Но страх — полезный опыт. Не бойся.

Они пошли в закат, растворяясь в золотом свете.

— Не уходите! Останьтесь! — крикнула Светлана сиплым голосом.

— Светлана! — Макото тряс девушку за плечи.

Пощёчина обожгла правую щёку. Она открыла глаза. Макото стоял на коленях рядом, протягивал пачку носовых платков.

— Вы вцепились в дерево так, что я испугался за него. А оно достойно большего уважения. Это Древо Миров. Колыбель жизни. Хранитель Мироздания. Его уничтожение приводит к весьма негативным последствиям. — Он отвёл взгляд. — Я был первым виновником его гибели. За что плачу до сих пор.

— Вы это видели? Кто они? Почему я их знаю? Я их знала?

— Кого? — Макото рассматривал девушку с интересом. — Светлана, кого вы увидели?

— Я не помню, — девушка заплакала и закрыла лицо.

В полной тишине они просидели несколько минут. Затем Светлана медленно опустила руки и стала рассматривать браслет. Теперь он уже не казался чужим и отталкивающим. Кожа вокруг узора слегка побагровела, сам узор стал частью запястья — словно старая татуировка. Между прочим, очень стильная. Голова внезапно пошла кругом. Во рту появился металлический привкус и сухость, захотелось пить. Но именно сейчас мысли звучали удивительно ровно, словно настроились по одному камертону. И это было странно.

Макото заметил её взгляд.

— Светлана, судя по вашему лицу, вам сейчас нехорошо. Слабость, хотите отдохнуть? Поверьте, это нормально. Ваше тело привыкает к симбиозу с браслетом. Браслет подстраивается к вам, а вы — к нему. Отдохните, восстановите силы.

Светлана хотела спросить, долго ли продлится «восстановление», но вместо этого прижала ладонь к стволу молодого Древа, у которого они находились. Кора была тёплой, почти

горячей, и под ней что-то мерно пульсировало. С каждым ударом пульса усталость отступала, смывалась. Металлический привкус исчез. В голове прояснилось.

— Древо, — прошептала она.

— Оно живое, — ответил Макото. — Его корни уходят так глубоко, что уму не постичь. Оно слышит то, чего не слышим мы, и превращает этот неслышимый гул в чистый тон. Тот самый, на котором говорит сама жизнь. А ваш браслет — посредник между вами и Древом. Вы ему — усталость, оно вам — ясность. Замкнутый круг. — Макото посмотрел на девушку и улыбнулся. — Поэтому мы здесь. Поэтому Архив вырос вокруг Древа, а не на пустом месте. Вы должны возвращаться к нему, пить его тишину. Пока однажды оно не проснётся настолько, что само будет приходить к вам. Где бы вы ни были.

Глава 8. Координаты приняты

Светлана сидела на земле, прижимая правую руку к груди. Браслет больше не жёг. Он приобрёл оттенок её кожи, стал почти незаметным — сложная татуировка, скрытая под поверхностью, пульсировала мерно и глубоко.

Воздух в роще застыл. Листья не шевелились. Птицы смолкли.

А потом браслет дрогнул. Толчок — глухой, низкий, прошёл от запястья в грудную клетку и дальше, в землю. Земля ответила мелкой дрожью.

— Что это? — Светлана отшатнулась.

Узор вспыхнул темно-синим, почти чёрным, с серебряными вкраплениями. Медленно закрутилась спираль. Тепло сменилось ледяным холодом. Воздух вокруг запястья покрылся инеем. Роса на траве замерзла иглами.

— Не двигайтесь, — Макото мгновенно встал рядом, готовый закрыть её собой. — Дышите ровно. Это синхронизация.

— С чем?! — Холод поднимался выше локтя, к плечу. Кожа онемела, а внутри, в самой глубине костей, разгоралось странное, тягучее тепло.

— С чем-то очень далёким, — прошептал Макото. — Чувствуете вектор?

Она закрыла глаза. Мир раскололся. Вместо рощи — пустота, живая, дышащая, пронизанная нитями света. И в ней — сигнал, похожий на натяжение тонкой нити. Словно кто-то бесконечно далёкий тянул эту нить через бездну, сквозь звёзды, сквозь вакуум, сквозь слои времени. Нить вибрировала на одной-единственной частоте.

«...нашла...»

Шёпот прозвучал прямо в сознании. Не мужской, не женский. Голос самой Вселенной.

«...координаты приняты. Путь открыт.»

Больно. Страшно. Браслет раскалился. На секунду Светлана увидела живую карту галактик. Золотая линия соединяла две точки: одну — здесь, у корней Древа, другую — в фиолетовой дымке на краю неизвестной галактики, где звёзды рождались и умирали быстрее, чем миг. Линия сокращалась. Медленно. Неумолимо.

— Светлана! Вернитесь! Держитесь за землю! — голос Макото разрезал реальность.

Она резко открыла глаза. Трава, иней, браслет, пульсирующий уже спокойно, ровно. Всё хорошо. Холод отступил.

— Вы слышали? — тихо спросил Макото. Он стоял на коленях, бледный, губы дрожали в улыбке.

Светлана кивнула. В ушах ещё звенел шёпот.

— Он откликнулся. Связь установлена. — Макото поднялся.

— Кто откликнулся? — выдавила Светлана. — Акх? Из видения?

— Вы знаете имя? — Макото взглянул на неё с интересом.

— Не уверена. Просто всплыло имя. Странное.

— Это Он. Хранитель. Тот, кто ждал в другой галактике, пока Древо не подаст знак. Вы только что отправили ему координаты и стали для него резонатором.

— Он уже идёт сюда? В прямом смысле, идёт? — Светлана посмотрела на небо.

Где-то там, в темноте, кто-то услышал её. Кто-то ждал сигнала сотни лет. Готова ли она к такому повороту?

— Летит. Надеюсь, прилетит скоро, если ничего не помешает. Это займёт время. Главное, что сигнал принят и канал стабилен. — Макото потер руки и закрыл глаза, выдохнув облегчённо.

Браслет на руке Светы дёрнулся снова — резко и тревожно. Металлический привкус во рту усилился. Светлана ощутила дикий голод, захотелось чего-то солёного. Волосы на руке

встали дыбом. Воздух потемнел, листья на ближайшем дереве почернели по краям и свернулись. В голове пронеслось предупреждение: «...диссонанс... тень близко... они почувствовали всплеск...» Зубы заныли.

— Тени, — произнёс Макото. Лицо его окаменело. — Стражи Порядка Империи. Те, кто не хочет, чтобы Древо восстановилось. Для них свобода воли — болезнь, а мы — её носители. Они уже вычисляют ваши координаты — по искажению поля, которое вы произвели.

Светлана поднялась. Трава хрустела под сапогами — мёрзлая. Браслет пульсировал часто и горячо.

— Великолепно, — горько усмехнулась она. — Сначала похищение, потом видения, теперь межгалактический вызов и какие-то Тени, Империя. А я просто хотела починить баг и работать дальше. Ах да, ещё пройти стажировку в Японии. — Девушка истерично засмеялась. — И возможно, немного попутешествовать.

— Успеете, если хватит времени. Возьмите, это глушитель резонанса. Он смажет ваш след на время. Поторопимся. Если Тени почувствовали ваш импульс, считайте, что они уже рядом.

— Хорошо, я собралась.

Светлана взяла цилиндр. Металл был тёплым. Макото развернулся и шагнул в сторону, где тени сгущались неестественно густо. Светлана пошла следом. Браслет на руке гудел, синхронизируясь с шагом.

Глава 9. Потеря эталона

Они шли долго и молча. Светка устала, хотелось пить и разуться. Ноги горели. Если бы её предупредили заранее, она обула бы кроссовки, а не сапоги на каблуках. В первый день на работе так хотелось показать себя с лучшей стороны. А тут вырядилась — юбка-карандаш, блуза с дурацким бантом, короткая куртка. Колготки уже драные, сапоги грязные.

Макото остановился, прислушиваясь.

— Что случилось, наставник? — Светлана поправила юбку и осмотрела сапоги.

— Тише.

Светка прикрыла рот руками и закрутила головой. Вероятно, Избранные самим Древом должны быть посообразительнее. Видимо, выбор оказался неудачным. Интересно, кто пожалеет первым? Ответ напрашивался сам собой. Девушка подняла глаза к небу. Тучи потяжелели, налились дождём. Браслет на руке нагрелся и зачастил мелкой дрожью. Ей показалось, что волосы на руках встали дыбом.

Над кромкой леса, быстро снижаясь, появилась маленькая точка.

— Имперский дрон, — прошептал Макото, быстро уводя Светлану в сторону.

Дрон завис над ними и замер, медленно сканируя людей. Ровная, бесстрастная частота прошупывала их, поляну и лес. Он не атаковал.

— Не двигайтесь, — одними губами произнёс Макото. — Ему нужна реакция, которую можно передать для отчёта.

Светка замерла и перестала дышать. Продержалась секунд тридцать, затем тяжело выдохнула:

— А что он делает?

— Слушает. Просто слушает.

Макото медленно полез под плащ и вытащил длинный стержень с винтовой насечкой. Вытянул его перед собой и закрыл глаза. Стержень низко загудел — у Светки опять заныли зубы. Воздух перед Макото на миг странно поплыл.

Дрон резко дёрнулся. Луч под ним заметался, перестал фокусироваться, замигал и погас. Дрон больше не смотрел на них — он двигался в поисках цели, которая внезапно исчезла.

Макото крутанул стержень. Звук сорвался в короткий противный скрежет. Дрон пискнул высоко, растерянно и камнем рухнул в лес. Тяжёлый удар, треск сучьев, затем тишина.

Светка выдохнула, только сейчас поняв, что почти не дышала около минуты. Молодец. Она смотрела на лес, куда упал дрон. Мысль, которая весь день пряталась где-то на задворках, вдруг оформилась: «Это не игра. Они будут возвращаться. И каждый раз будет страшнее». Ей захотелось зажмуриться, как в детстве, — вдруг всё исчезнет. Макото уже убирал стержень под плащ, и она поняла: если сейчас зажмурится, потом открыть глаза будет ещё труднее.

В ушах звенело, перед глазами плавали круги. Она пошатнулась. Макото схватил её за локоть.

— Выглядите не очень, — сказал он без улыбки. — Ваш браслет попытался вас закрыть и поймал часть помех. Пройдёт.

— У меня сейчас похмелье от частот? — язык ворочался плохо. — Всё для меня.

Она сорвала травинку и принялась жевать. Металлический привкус не уходил.

— Часто такое будет? — спросила девушка, не глядя на него.

— Посмотрим, как получится. — Макото отпустил её локоть. Светка потёрла виски, поморгала. Потом посмотрела на лес.

— Он вызовет подмогу?

— Уже нет. Сюда пришлют следующий. Расслабляться рано.

Макото развернулся и пошёл дальше, не оглядываясь. Светка поплелась за ним, стараясь не споткнуться о корни. Сапоги хотелось снять и потерять.

Глава 10. Диагноз: Тень

Они прибежали к белой каменной стене, увитой мхом. Макото прижал ладонь — камень расступился, пропуская в узкий проход. Спиральная лестница вела вниз. Светлана замерла на пороге.

Собор знаний. Огромный зал уходил вверх на десятки метров. Стены от пола до потолка занимали книги — настоящие, в кожаных переплётах, свитки, кристаллические пластины. В центре, над массивным столом, медленно вращалась голограмма Древа Миров.

— Ух-ты, — вырвалось у девушки. Она закрутила головой, рассматривая всё вокруг.

— Добро пожаловать в Архив! — отрапортовал Макото, пропуская Светлану вперёд хозяйски.

Светка прошла по залу, рассмотрела стеллажи и их содержимое, вернулась к Макото. Мужчина ловко наводил порядок на огромном столе, вдоль которого стояло несколько стульев.

Светлана выбрала один — скорее кресло, с мягкой бархатной обивкой, — и с облегчением уселась. Разместившись поудобнее, с наслаждением сняла сапоги. Ступни покраснели, на пятках горели мозоли. Она погладила их руками и вытянула ноги.

— Наконец-то. Господи, как хорошо. Ну и что это было? — переключила девушка внимание на Макото. Голос сорвался, получилось громче, чем хотелось. — Я хочу понять, во что я влипла на самом деле.

Макото сел напротив Светки прямо на каменный пол. Посмотрел куда-то в стену.

— Ты спрашиваешь про дрон или про того, кто стоит за ним?

— Про всё и сразу. Пока совсем не потеряла последние остатки здравого смысла.

Он кивнул, помолчал, потом достал из кармана маленькую поцарапанную деревянную лошадку без одного уха. Поставил на пол между ними.

— Когда-то... — он осёкся. — Нет, не так. История долгая. Ты человек, который живёт на Земле. У тебя появился необычный аксессуар — браслет, подарок от далёких предков, большая часть которых давно покинула вашу планету. Твой браслет взаимодействует с тобой на частоте 432 герца. Браслет не меняет в тебе ничего — он просто позволяет твоему организму взаимодействовать с Древом.

— А мои предки... они только мои? Или общие для всех землян? — уточнила Светлана.

— Общие. У вас есть ещё родственники — Младшие, в лице которых представлена Империя. Империя работает на более высоких частотах. А эти частоты отлично корректируют сознание. Ты уже чувствовала их влияние, когда Имперцы пытались тебя подстроить, — давит осязаемо, не больно.

— Ага, не больно, действительно, — тихо сказала Светка.

— Верно. В итоге они получают стабильное, ровное человеческое общество. Любая агрессия сводится к нулю. Очень удобно. Идеальный мир.

— Значит, Империя — главный злодей? — Светлана посмотрела на свой браслет.

— Думаю, нет. Не злодеи в привычном для нас смысле. Просто идеально стабильные.

— А мы кто для них? — она покосилась на Макото.

— Носители инфекции. — Макото хмыкнул. — Инфекция для них — свобода выбора, которая есть у нас. Способность чувствовать и желание меняться. Они планируют нас вылечить от этого недуга.

В Архиве стало тихо. Светка смотрела на лошадку.

— Твоя?

Макото не ответил. Поднялся и отправился в другой конец помещения. Там что-то звякало, стучало. Затем он вернулся, неся две кружки с чаем. Одну поставил перед Светкой на

стол, вторую рядом с собой. Рука потянулась к игрушке, замерла на полпути. Затем он бережно взял лошадку и поставил рядом с кружкой.

— У меня была дочь. — Он произнёс это так, будто каждое слово причиняло боль. В глазах появились слёзы. — Она не выдержала приобщения. Я держал её на руках и ничего не мог сделать. А потом пришёл к тем, у кого тоже умирали дети, и дал им спасение, которым теперь они исцеляют миры. Жене это не помогло...

— Ты поэтому такой? — Светка не уточнила «какой». Макото и так понял.

— Я имею отношение к созданию Имперской идеологии. Это я подарил им частоту, на которой выживают все. В общем, виноват кругом.

Светка молчала и пила чай, грея пальцы о горячий металл.

— Знаешь, — сказала она наконец, — меня учил отец: «Сломала — чини. Не можешь чинить — не ломай».

Макото посмотрел ей прямо в глаза и сделал глоток чая.

— Твой отец мудрый человек. Светлана, мне нужна ваша помощь. Один я не справлюсь, это точно.

Он убрал лошадку в карман. Светка отставила кружку и поджала колени к подбородку.

— Ладно, допустим, я тебе очень нужна. Расскажи про Тени. Что они такое? Что умеют делать? Просто пугают или реально могут навредить?

— Тени прилипают. Ловят твой страх и показывают его тебе. Если веришь своим глазам — а так обычно и бывает, — они крепнут, и проблем становится больше. Если находишь в себе силы не поддаться на их иллюзии — рассеиваются. Это не просто.

— Ясно. Видимо, тот, в пальто, у меня под окном, — тоже Тень?

— Хуже. Наблюдатель. Живой ретранслятор Империи. Сам почти безопасен. Координаты передаёт мгновенно. Они здесь с момента Исхода, коренные жители. — Макото засмеялся и потёр подбородок.

Светка закрыла глаза. Какое-то время просто сидела так, прижавшись затылком к холодной спинке стула.

— Значит, они нас всё равно найдут, — произнесла она себе под нос.

— Найдут. Мы успеем подготовиться.

— Заказать на маркетплейсе миллион пушек и расставить по периметру Земли? — Светка посмотрела на Макото с недоверием.

— О-о-о, пушки тут не помогут. Империя — огромное государство в масштабе нескольких галактик. Расширяла свои владения без единого выстрела. Проливать кровь — отсталые методики древнего прошлого. Миры входят в её состав с радостью. Недовольные — редкость. Повстанцы, остатки сопротивления в Срединных мирах. Для вас, землян, назвать их Сопротивлением смешно. Вы привыкли к крови, стёртым городам, боли. Здесь такого нет. — Он подмигнул девушке, которая открыла рот и смотрела на него огромными глазами.

— Ты это серьёзно? — она обняла колени и натянула на них куртку. Стало холодно и ещё страшнее, хотя куда страшнее...

— Так как ты предлагаешь подготовиться? Если всё настолько плохо, у тебя есть рабочие варианты?

Макото размял плечи. Видно было, что разговор вытянул из него последние силы.

— Раскрываю основной секрет. Первородные — те, кто когда-то спустился на Землю, добровольно отказавшись от божественной силы...

— Что? — Лицо девушки выражало весь спектр эмоций.

— Продолжу. Уходя, Первородные создали Экран. Частотную мембрану, скрывающую планету от Империи, эдакий фильтр. Он пропускает только те частоты, что не несут зла. Сейчас Экран истончился: слишком много носителей проснулось одновременно. Завтра покажу тебе,

как работать с контуром. А сегодня — спать. Вопросы закончились. Ты еле держишься. И да, всё не так уж плохо, правда.

Макото направился к выходу, на секунду замер, не оборачиваясь, и вышел.

Светка осталась в пустом зале, глядя на голограмму Древа, которое медленно вращалось над столом. Браслет всё ещё пульсировал, теперь этот пульс не пугал. Он был напоминанием, что они пока живы.

Глава 11. Маяк без голоса

Светлана не заметила, как уснула. Архив перестал быть Архивом — исчезли стены, мебель, мерцание голограммы. Остался только холод, влажный, пронизывающий до костей. И тишина вокруг, полная и абсолютная.

Девушка стояла на краю скалы. Внизу лежал серый вязкий туман, неподвижный и осязаемый. Из тумана торчали остовы кораблей — десятки, а может, сотни. Рёбра шпангоутов, ржавые крепления, пустые глазницы иллюминаторов смотрели на неё. На каждом корабле бледно-голубые кристаллы сочились слабым сиянием.

Ветра не было. Звуков тоже. Только тихое гудение, которое шло откуда-то из груди.

Она обернулась. Позади, на вершине скалы, возвышался маяк. Он был сложен из чего-то, напоминающего кости, или из дерева, напоминающего истлевшие останки живого. Поверхность маяка пульсировала, как живая. На вершине горел холодный серебристый огонь. Луч не вращался, как на обычных маяках — он смотрел в одну точку, туда, где туман был гуще всего.

У подножия маяка стоял человек. Высокий, худой, в плаще с капюшоном. В руке он держал посох, обмотанный проволокой. Время от времени он касался посохом камня — камень отзывался короткой золотой искрой, затем затихал.

Светка хотела окликнуть его, голос пропал. Она пошла к нему сама. Гравий под ногами не хрустел — просто проваливался под ступнями. Чем ближе девушка подходила к человеку, тем сильнее нагревался браслет на запястье.

— Эй, — наконец выдавила она. Собственный голос показался чужим.

Человек не обернулся.

— Ты кто? Ты меня слышишь? Эй? — Светка махала руками и подпрыгивала на одном месте.

Молчание. Потом человек медленно, очень медленно повернул голову. Лица Светка не разглядела — капюшон скрывал всё, кроме края скулы и одного глаза. Глаз был тёмный, усталый, не злой. Она не понимала, почему не злой, просто почувствовала — опасности нет.

— Слышу, — сказал человек. Голос тихий, без оттенков интонации. — Не отвечать пришёл. Я здесь не для ответов.

— А для чего ты здесь?

— Чтобы светить.

Он снова коснулся посохом камня. Там, где палка касалась земли, оставался светящийся след. Цифры. Координаты. Длинные цепочки символов, которых она не понимала. Тысячи и тысячи знаков.

— Ты записываешь всё, — прошептала она, поняв происходящее.

— Да.

— Зачем?

— Потому что кто-то должен фиксировать. — Он снова коснулся камня. — Память — это работа. Если я остановлюсь, всё исчезнет.

Светка обхватила себя руками. Холод усиливался, пробирал до костей. Она застегнула куртку и посмотрела на ноги — босая.

— Ты знаешь Макото? — спросила она и сама удивилась, почему спросила именно об этом.

Человек замер. Луч маяка дрогнул — впервые за всё время. Из серебристого стал тёплым, янтарным, затем снова вернулся.

— Знаю, — сказал он. — Я не он. Я — то, что осталось. Когда он ушёл, я остался здесь. Не помню его лица. Только пульс. Иногда, если частота совпадает, я слышу его. Маяк светит ярче. Иногда не слышу.

Светка хотела спросить ещё что-то, воздух сгустился. Браслет на руке задрожал и нагрелся. Маяк начал меркнуть. Скала под ногами пошла мелкой рябью, контур человека в плаще размылся.

— Уходи, — сказал Смотритель. — Тебя зовут обратно. Запомни: когда свет погаснет окончательно, иди на звук. Не на мой. На тот, который услышишь, когда потеряешь всё.

— Какой звук? — крикнула Светка. Голос сорвался по-настоящему.

Маяк почти погас. Смотритель поднял посох и коснулся им земли в последний раз. Вспышка — и Светка увидела цифры, которых не понимала, которые почему-то запомнила.

— Четыреста тридцать два, — донеслось издалека. — Остальное — просто шум.

Светка открыла глаза. Она лежала на полу Архива, щекой на свёрнутом плаще. Браслет пульсировал часто, почти лихорадочно. Голова гудела. Во рту сухо. Рядом, на коленях, сидел Макото. Его рука лежала на её плече — тёплая и тяжёлая.

— Ты уходила далеко, — сказал он. Голос глухой. — Дальше, чем я мог дотянуться.

Светка сглотнула. Язык не слушался, словно онемел.

— Маяк. Там был маяк. И человек. Он всё записывает. Он сказал... — Она зажмурилась, пытаясь удержать ускользающий образ. — Сказал, что знает тебя. Вернее, не тебя — твой пульс.

Макото убрал руку. Посмотрел в сторону. На его лице что-то дрогнуло.

— Смотритель, — сказал он тихо. — Я знал, что он где-то есть. Не знал, что он всё ещё держит свой пост.

— Кто этот смотритель? — Светка приподнялась на локтях. Голова закружилась, она удержалась.

Макото помолчал.

— Часть меня. Или я — часть его. Когда-то мы были одним целым. Теперь он — то, что осталось, когда я ушёл. Память без действия. Запись без выбора. Он не может остановиться. Если остановится — всё, что он хранит, исчезнет.

— Он там один? — Светка вспомнила серый туман, остовы кораблей, бесконечные ряды цифр. — Совсем один?

— Да.

— И ты не хочешь его найти? — Светка схватила его за руки, затрясла.

Макото покачал головой.

— Он меня не ждёт. Осколки не хотят быть целым. Они уже стали тем, кем стали. Если он позовёт, я приду. Не раньше.

Светка снова легла, прижав ладонь к браслету. Тот постепенно успокаивался, пульс выравнивался. Где-то на грани слышимости ещё дрожала низкая нота — та самая, которую Смотритель назвал единственной правдой.

— Он сказал: когда свет погаснет, идти на звук. На четыреста тридцать два. Что это значит?

Макото долго смотрел на неё. Потом вздохнул.

— Значит, когда всё станет совсем плохо, нам придётся идти в самую тёмную часть этой галактики. Не сегодня. Сегодня ты и так сделала достаточно.

Макото поднялся, опираясь на руку, и направился к выходу. У двери оглянулся.

— Отдыхай. Не пытайся снова туда попасть. Он сам позовёт, когда будет нужно.

Архив погрузился в привычную тишину. Светка закрыла глаза. Перед внутренним взором ещё стояли серый туман, ржавые корабли и одинокий человек с посохом. Теперь к этому образу прибавилась странная, почти забытая ясность. Словно кто-то очень далёкий только что подтвердил: ты на правильном пути.

Глава 12. Два голоса

Утро выдалось непростое. Светка проснулась с тяжёлой головой, поела без аппетита. Одежда за вчерашний день потеряла привлекательность основательно: блузка в пятнах, на сапоги и смотреть не хотелось. Она с тоской подумала о своём чемодане в Минамибосо. Там лежали мягкие джинсы, чистая футболка и, главное, нормальная обувь. Вместо этого пришлось натягивать драные колготки и делать вид, что всё отлично и пятки не болят.

— Мне нужна другая одежда. В этом ходить просто невозможно, — проворчала она, кивая на свои ноги.

Макото даже не обернулся.

— У меня есть свитер. С остальным не помогу.

Светка мысленно прокляла всё — и Архив, и Древо, и себя за согласие на эту авантюру. Молча поплелась за ним вниз по винтовой лестнице.

— Мне нужно будет вернуться к себе или купить. Здесь ведь по близости есть магазины? Или они все кончились? Как вы в Японии меняете свой гардероб?

Ответа она не получила и обиделась ещё сильнее.

— Сегодня будем работать. Ты откроешь канал.

— Чего? — Светка споткнулась о ступеньку. — Куда?

— К Акху. К Хранителю. Он застрял где-то у границы Солнечной системы и ждёт сигнал. Твой браслет — не просто украшение. Это передатчик. Сегодня мы включим его по-настоящему.

Светка хотела возразить, они уже вошли в круглый зал. В центре, на каменном постаменте, лежал стержень — длинный, тёмный, с винтовой насечкой. Рядом, в такой же выемке, покоилась пустая чаша. Идеально гладкая внутри, будто ждала чьего-то прикосновения именно сегодня.

— Это камертон, — сказал Макото. — Не спрашивай, как он работает, скоро поймёшь сама. Просто встань у чаши, положи руку на стержень и больше ничего не делай.

— Как именно «ничего»? Замереть на месте? Сидеть можно или нужно стоять? — Светка с недоверием смотрела на него. — Ты меня сюда привёл, чтобы я просто постояла?

— Именно за этим. Я же говорил — сама всё поймёшь. Повторяю ещё раз: ты просто стоишь, дышишь спокойно и ничего не делаешь. Не контролируешь, не ищешь. Просто стоишь. Спинка ровно, плечи опущены. Главное — не горбись.

Светка фыркнула, подошла ближе. Положила левую ладонь на край чаши, правую — на стержень. Металл был холодным. Она закрыла глаза.

Сначала ничего не происходило. Только собственное дыхание — слишком громкое и слишком частое, отвлекало. Она попыталась расслабиться — в голову лезло всякое: «А вдруг не работает? А вдруг током ударит? А Макото вообще нормальный?»

— Ты напряглась, — послышалось из темноты. — Я же сказал: не делай ничего.

— Легко сказать! — тихо процедила Светка, не открывая глаз. — У меня тут, если честно, полный бардак в голове. Я не знаю, как это отключить. Перед глазами вся жизнь пронеслась.

— И не отключай. — Голос Макото приблизился. — Ты ведь не машина. Твой бардак — это и есть ты, настоящая. Дай ему быть, не гони. Древо не боится шума.

Светка сжала челюсти, сделала умное лицо. Шум. Хаос. Ей всегда казалось, что для такого дела нужна идеальная тишина, умение сосредоточиться на важном. А тут — пожалуйста, бардак принимается. Она выдохнула, расслабила плечи. Пальцы на стержне разжались.

И вдруг тело стало испытывать странное ощущение. Будто где-то в груди отворилась дверца, и в неё пахнуло холодом. Стержень под ладонью нагрелся, завибрировал — не как

телефон, а глубже, тягуче. Чаша наполнилась светом — бледным, золотистым, словно рассвет в тумане.

Светка ахнула. Перед внутренним взором проступила нить. Тонкая, дрожащая, уходящая куда-то в бесконечность. На том её конце парил человек. Она не видела его лица. Только силуэт на фоне холодных звёзд. Девушка почувствовала вдруг нечеловеческую усталость, которая на мгновение стала её собственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.